

Вчера Георгий Вайнер улетел в Америку, пробыв в Москве месяц. Завтра он отметит в Нью-Йорке свое 60-летие. А через неделю вернется в Москву. Курсируя меж континентами, самая непоседливая половина литературной марки «братья Вайнеры» осуществляет проект, который еще недавно мог показаться фантастическим. Генеральный секретарь Интерпола Раймонд Кендалл дал добро на съемки 52-серийного фильма под рабочим названием «Из архивов Интерпола». Режиссером этой документально-публицистической ленты станет Эльдор Уразбаев. Планируется показать картину в 177 странах — членах Интерпола, от Австралии до Японии...

— Георгий Александрович, ведь Интерпол — организация весьма секретная. Как вам удалось получить доступ к его архивам?

— Господин Кендалл сам понимает, что прежняя закрытость больше не помогает Интерполу. Это не значит, что отныне будут широко распространяться все абсолютно конфиденциальные сведения, которыми они располагают. Но господин Кендалл хочет, чтобы мир узнал, чем Интерпол занимается. Широкий интерес к их работе повысит ее эффективность, повысит, наконец, финансирование. Они нуждаются в деньгах, при том, что уже сейчас их деятельность дает гораздо больший финансово-экономический эффект, чем затраты на содержание Интерпола.

— Вы несколько раз встречались с Кендаллом. Поделитесь впечатлениями.

— Он замечательно остроумный, очень светский человек, выпускник Оксфорда, достойный английский джентльмен. Он политик, дипломат, полицейский, государственный деятель. Третий раз — и единственный в истории Интерпола — избран Генеральным секретарем. Когда я спрашивал, что побудило его заняться этой деятельностью, он мне рассказывал, как в свое время в составе оперативной группы был взят в плен наркоторговцами, которые потребовали за него большой выкуп. И вот, дожидаясь смерти или освобождения, он подумал о всех тех людях, которые нуждаются в защите, которые бессильны против зла, против организованного насилия. И он сказал себе: даст Бог, вырвусь отсюда, я им всем еще покажу... Кстати, он династический полицейский — его брат, умерший недавно, был полицейским, его дед был полицейским... Он говорит, что как существуют династические воровские семьи, так должны существовать и династические полицейские семьи. Эту традицию, это гордое представление о предназначении своей профессии он пронес через всю жизнь.

— Ваш фильм финансирует Интерпол или...

— Или. Мне повезло, что Виктор Иванович Букато, президент Мосбизнесбанка, сильный, умный банкир и очень почтенный при этом, счел необходимым выделить нам кредит. У нас пока что немногие финансисты доросли до понимания того, что надо вкладывать деньги не только в безопасность своего офиса, но и в безопасность своей страны и мира.

— Георгий Александрович, вы уезжали из страны еще при советской власти, и разговоров вокруг этого отъезда было множество...

— Я не уезжал, а подписал контракт на работу в Америке в 90-м году, оставаясь гражданином России. Но тогда если человек ехал в командировку от Внешторга, или от МИДа, или шпионом, то считалось, что он едет на работу за границу, а если человек ехал по приглашению частных компаний, то он вроде свалил. А сейчас этот стереотип разрушен. Десятки тысяч спортсменов, инженеров, электронщиков, деятелей культуры работают за границей, и это всемирное явление. Происходит перекачивание из страны в страну мозгов, причем не обязательно из бедных стран в богатые. Просто человек выбирает место, где наиболее полно

может себя реализовать... А тогда почему моя фигура привлекала такое внимание? В перестроечные времена я один уехал из всех писателей. Как известно, русские писатели на американском или африканском рынке совершенно не нужны, они себя не могут прокормить и живут здесь. Хотя очень многие желали бы поехать не то, что жить, а посмотреть мир.

— То есть вы спокойно живете с ощущением, что вы — гражданин мира.

— Это должно быть нормой, в свободном государстве каждый человек — гражданин мира, при том, что это не избавляет его от такого понятия как патриотизм. У нас коммунисти-

— В одном из своих интервью вы упомянули, что на рубеже девяностых годов братья Вайнеры заработали миллион полновесных советских рублей. А сейчас кормят ли вас книжки?

— Нельзя сказать, что кормят. Мои книжки издаются и являются весомым приварком в моем бюджете.

— В Москве на лотках я давно их не видел.

— У меня печальная судьба. В советские времена регламентировано книгоиздательство на прилавках никогда не было моих книжек. А сейчас в условиях коммерческого книгоиздания их по-прежнему или нет, или крайне мало. Хотя только за

ся таким бестселлером, как когда-то. Но, тем не менее, одна эта книжка издана тиражом несколько миллионов экземпляров на всех цивилизованных языках.

— По-моему, вашей «печальной» судьбе можно только завидовать. Фильм «Место встречи изменить нельзя», снятый по вашему роману «Эра милосердия», стал культовым для нескольких поколений.

— Это был достаточно случайный плод яростного вдохновения. Мы взяли аванс в «Воениздате» и не уложились в срок, потому что были заняты написанием другого романа — «Лекарство против страха». Из «Воениздата» пришло грозное письмо, что если мы не сдадим рукопись, то аванс с нас взыщут через суд. Мы попросили продлить договор на два месяца...

— И за два месяца написали роман?!

— За сто дней. Мы жили в доме творчества «Переделкино». Вставали, завтракали, с девяти до часа за столом, потом сон. Мы отработали систему пятнадцатиминутного сна — чрезвычайно трудно просыпаться, но невероятно освежает. В два часа легко обедали, прогулка, с трех часов снова за столом до девяти вечера.

— Каждый писал свой кусок?

— Да, а потом все переписывалось в одну руку, чтобы не было разностий.

— Имена Воронина, Марининой, Доценко вам что-то говорят?

— Я бы не хотел раздавать никаких оценок. Книжки Марининой я читал, она себя считает моей ученицей и присылает. Других пытался читать и не смог. Но я не отрицаю права на существование такой литературы, если на нее есть спрос. Я читал много рецензий: литературоведы, критики с неслыханной серьезностью разбирают эти книги, громят, топчут, унижают авторов. Но к ним же неприменимы критерии высокой литературы! Потому что это не всерьез, это книжки понарошку, никто из авторов не рассчитывал на то, что читатель начнет сопереживать и волноваться по-настоящему. Их задача помочь людям релаксироваться, как-то душевно разрядиться. Я не склонен сильно порицать таких авторов... У нас есть два романа, последние написанные нами вдвоем: «Евангелие от палача» и «Петля и камень в зеленой траве». Вот тоже характерный момент: эти книжки, переведенные практически на все языки мира, имевшие серьезную прессу, высоко оцененные множеством очень уважаемых людей, проигрывали в массовом успехе нашим же чисто детективным книгам.

— Ну чисто детективных книг у вас не так много.

— Да, нам всегда было тесно и неинтересно выполнять условия заданной игры. Тот же «Визит к минотавру» вызвал бездну критики: одни говорили, ну зачем ты испортил замечательную историческую повесть о великих кремонских мастерах детективным сюжетом, другие говорили — ну что ты замусориваешь прекрасную детективную историю какими-то архивными изысканиями... Сейчас принято широко отказываться от всего опыта советской литературы. Я считаю, что это неправильно, это ребенок, выплеснутый вместе с водой, потому что многие достойные честные советские писатели, поставленные в рамки цензурного контроля, по необходимости прилагали ог-

Новое место встречи — Интерпол

ческая фразеология исковеркала слово патриотизм, придав ему казенно-постыдный характер: человек должен клясться, что он патриот. Но ведь это же абсурд, потому что патриотизм — естественное человеческое проявление. Любовь к матери, любовь к тому дому, в котором ты вырос, к той земле, где ты сформировался, где ты первый раз влюбился, прочел первые стихи, где первый раз осуществил себя как личность... Но тот дом, в котором человек родился, как бы ни был уютен и приятен, не обязательно становится его жильем на целую жизнь. Сомерсет Моэм жил во Франции, Грэм Грин жил во Франции, Артур Кларк живет в Шри-Ланке — писатели живут там, где им нравится, где они могут жить.

— Какую роль вы сыграли в появлении на американском телевидении вашей племянницы Натальи Дарьяловой?

— Никакой системы родства и блатмеркерства ни на йоту не было, потому что она человек абсолютно самостоятельный и талантливый, умеет предъявить себя и проходила «самоходом».

— Тем не менее, приехала-то она в Америку к дяде?

— Она приехала туда с мужем много раньше, чем я.

— Да это же мистер Кендалл!

последние четыре года было издано более двух миллионов экземпляров... В 1970 году, когда мы с братом писали роман «Визит к минотавру», меня одолевала дурацкая идея: а интересно, доживет ли эта книга до конца века? Тогда мне казалось, что конец века — это очень нескоро. А вот уже жизнь подкатывает к концу века, а все равно читают эту книжку, смотрят фильм по ней. В силу того, что информационный рынок чудовищно разросся, она уже не являет-

ромные усилия, и им удавалось за счет повышения художественного уровня книг сказать ту правду, которую они хотели донести до людей.

— Будет ли и дальше существовать творческий дуэт братьев Вайнеров?

— Будем живы, будет существовать.

Встречался с юбиляром Евгений НЕКРАСОВ
Фото Сергея ПАНКРАТЬЕВА. «ВМ»